

Глава 1

Что значит «поступать правильно»?

Намеренное завышение цен

Летом 2004 г. пришедший со стороны Мексиканского залива ураган «Чарли» пронесся над Флоридой и ушел в Атлантический океан, унеся жизни 22 человек, причинив ущерб на 11 млрд долл.¹ и вызвав дебаты о намеренном завышении цен.

На заправочной станции в Орландо мешочки со льдом, до урагана стоившие 2 долл., стали продавать за 10 долл. У большинства людей, дома которых в середине августа остались без электричества, не было особого выбора — им приходилось так или иначе расплачиваться. Поваленные деревья повысили спрос на цепные бензопилы и ремонт крыш. Подрядчики предлагали домовладельцам убрать упавшие на крыши деревья по цене 23 тыс. долл. за крышу. Магазины, в которых маленькие домашние генераторы обычно стоили 250 долл., теперь беззастенчиво запрашивали за эти устройства 2000 долл. С 77-летней женщины, спасшейся от урагана вместе со своим престарелым мужем и дочерью-инвалидом, за ночь, проведенную в номере мотеля, потребовали 160 долл., тогда как обычно такой номер стоил не более 40 долл. в сутки².

Завышение цен и разного рода спекуляции на человеческом несчастье вызвали гнев и возмущение жителей Флориды. Один из заголовков в газете *USA Today* гласил: «После бури слетаются стервятники». Так, один из пострадавших от урагана, которому сказали, что уборка де-

рева, упавшего на крышу его дома, обойдется в 15 тыс. долл., громко заявил, что люди, «пытающиеся нажиться на трудностях и невзгодах других», поступают непорядочно. С ним согласился генеральный прокурор штата Чарли Крист, он сказал: «Меня искренне поражает уровень жадности, который должен быть в душе у того, кто стремится извлечь пользу из страданий других после урагана»³.

Во Флориде был закон против раздувания цен, и после урагана на генеральную прокуратуру штата обрушилось более 2000 жалоб. Некоторые из них закончились успешными судебными процессами. Гостинице Days Inn в Вест Палм-Бич пришлось выплатить 70 тыс. долл. в виде штрафов за завышение цен и возмещения гостям отеля за переплату⁴.

Но хотя Крист взялся за проведение в жизнь закона против намеренного завышения цен, некоторые экономисты утверждали, что этот закон, равно как и негодование общественности, — ложно истолкован.

Средневековые философы и теологи считали, что обмен товарами должен быть подчинен «справедливой цене», которую определяли традиция или ценность, присущая продаваемому продукту. Но экономисты утверждают, что в обществе, построенном на рыночных отношениях, стоимость определяется предложением и спросом и ничего подобного средневековой «справедливой цене» не существует.

Томас Соуэлл, экономист — сторонник свободного рынка, назвал раздувание цен «эмоционально сильным выражением, которое лишено экономического смысла и на которое большинство экономистов не обращают ни малейшего внимания потому, что оно слишком расплывчато и неясно, чтобы вызывать беспокойство». В своем письме в газету *Tampa Tribune* Соуэлл попытался объяснить, «как завышение цен помогает жителям Флориды». «Обвинения в раздувании цен возникают в случае, когда цены существенно выше тех, к которым люди привыкли, — писал Соуэлл. — Но уровни цен, к которым вы привыкли, не являются священными с моральной точки зрения. Они — не более „особенные“ или „справедливые“, чем все прочие цены, которые могут породить рыночные условия, в том числе те, что были вызваны ураганом»⁵.

Соуэлл утверждал, что повышение цен на лед, бутилированную воду, ремонт крыш, генераторы и комнаты в мотелях имеет преимущество, ограничивая их потребление и повышая стимулы у поставщиков из отдаленных мест обеспечивать местных жителей продуктами, потребность в которых после урагана особенно велика. Если за мешочек со льдом надо платить 10 долл. в условиях, когда жители Флориды в августовскую жару сталкиваются с перебоями электроснабжения, производители льда сочтут выгодным какое-то время изготавливать и отгружать больше льда. В этих ценах, как объяснял Соуэлл, нет ничего несправедливого; они всего лишь отражают ценность, которую покупатели и продавцы добровольно стали придавать продуктам обмена⁶.

Джефф Джакоби, симпатизирующий рынку комментатор, в своей статье в *Boston Globe* выступал против законов, запрещающих завышение цен, на тех же основаниях. «Требовать цену, которую рынок вытерпит, — это не раздувание цен и не проявление алчности или беззастенчивости. Это — способ распределения продуктов в свободном обществе». Джакоби признавал, что «резкие повышения цен любого способны привести в ярость и особенно тех людей, жизнь которых страшный ураган привел в беспорядок или полностью разрушил». Но гнев общественности — не оправдание для вмешательства в функционирование свободного рынка. Создавая стимулы для поставщиков предоставлять больше необходимых товаров, цены, кажущиеся чрезмерными, «приносят больше хорошего, чем плохого». Джакоби делал вывод: «„Демонизация“ продавцов не ускорит восстановления Флориды. Но это случится, если продавцам позволят спокойно вести их бизнес»⁷.

Генеральный прокурор Флориды Крист (республиканец, которого впоследствии изберут губернатором штата) опубликовал на первой странице одной из газет *Tampa Tribune* письмо в защиту закона против раздувания цен, в котором, в частности, были такие строки: «Во время чрезвычайных ситуаций правительство не может посиживать на обочине, если с людей дерут непомерно большие цены за то, что они бегут, спасая свои жизни, или хотят купить основные товары для своих семей после урагана»⁸. Крист отвергал мысль, что «чрезмерно высокие цены» отражают подлинно свободный обмен. Он писал:

«Это — не нормальная ситуация свободной торговли, когда покупатели охотно и свободно решают выйти на рынок, где их встречают желающие совершать сделки продавцы, когда цена устанавливается в соответствии со спросом и предложением. Покупатели в условиях чрезвычайной ситуации действуют по принуждению. У них нет свободы. Приобретение ими предметов первой необходимости вроде надежного крова над головой носит вынужденный характер»⁹.

Дебаты о раздувании цен, возникшие после урагана «Чарли», поставили трудные вопросы морали и права. Разве продавцы поступают неправильно, извлекая выгоды из природной катастрофы и требуя с покупателей те максимальные цены, какие рынок стерпит? Если продавцы поступают неправильно, что следует с этим делать закону (и следует ли закону вообще вмешиваться в ситуацию)? Должно ли государство запретить раздувание цен, даже если этот запрет является вмешательством в свободу покупателей и продавцов на любые сделки, какие они хотят заключать?

Эти вопросы касаются не только того, как индивидуумам следует относиться друг к другу, но также и каким быть праву, и как организовывать общество. В сущности, это вопросы справедливости. Чтобы ответить на них, нам надо постичь смысл понятия «справедливость». По сути, мы уже начали это делать. Если присмотреться к дебатам о раздувании цен, можно заметить, что доводы, приведенные в пользу завышения цен и против этого, вращаются вокруг трех идей: максимизации благосостояния, уважения свободы и утверждения добродетели. Каждая из этих идей указывает на отличный от других способ размышлений о справедливости.

Стандартный довод в пользу неограниченной свободы рынков зиждется на двух утверждениях. Одно из них касается благосостояния, второе — свободы. Во-первых, рынки способствуют увеличению благосостояния общества в целом. Рынки побуждают людей к напряженному труду, в результате которого другим людям предоставляют нужные им продукты. (В обычной речи мы часто уравниваем благосостояние с экономическим процветанием, хотя благосостояние — намного более широкая, более емкая концепция.) Во-вторых, рынки уважают свободу

индивидуумов. Вместо того чтобы устанавливать определенную стоимость товаров и услуг, рынки разрешают людям самим решать, какую стоимость придавать продуктам, которыми они обмениваются. Неудивительно, что люди, критикующие законы против раздувания цен, прибегают к этим двум известным доводам в пользу свободы рынков. Как отвечают на это сторонники законов против раздувания цен?

Во-первых, они утверждают, что чрезмерное завышение цен в трудные времена на самом деле не служит благосостоянию общества в целом. Даже если высокие цены вызывают увеличение поставок товаров, данное благо следует сопоставить с бременем, которое эти цены возлагают на тех, кто наименее способен их платить. Для состоятельных людей платить по завышенным ценам за галлон бензина или номер в мотеле, может быть, просто досадно, но для людей скромного достатка такие цены создают настоящую и тяжелую проблему, которая может заставить их остаться на пути урагана, а не искать спасения в безопасных местах. Сторонники законов против раздувания цен утверждают, что в любую оценку общего благосостояния должны входить боль и страдания тех, для кого в чрезвычайной ситуации высокие цены сделали товары первой необходимости, возможно, абсолютно недоступными.

Во-вторых, сторонники законов против раздувания цен утверждают, что при определенных условиях свободный рынок на самом деле оказывается не свободным. Как указывает Крист, «покупатели в условиях чрезвычайной ситуации действуют по принуждению». Приобретение ими предметов первой необходимости вроде безопасного крова над головой «носит вынужденный характер». Если вы убегаете от урагана вместе с семьей, чрезмерно высокая цена, которую вы платите за горючее или крышу над головой, не является по-настоящему свободным обменом; такая сделка ближе к вымогательству. Таким образом, чтобы решить, оправданы ли законы против раздувания цен, необходимо оценить вступающие в противоречие друг с другом требования благосостояния и свободы.

Кроме того, необходимо рассмотреть еще один довод. Общественная поддержка законов против завышения цен в значительной степени обусловлена каким-то более глубоким, интуитивным чувством, чем соображения благосостояния или свободы. Людей возмущают «стер-

вятники», которые кормятся отчаяньем других, и люди хотят, чтобы «стервятники» были наказаны, а не вознаграждены непредвиденными прибылями. Такие чувства зачастую отвергают, отбрасывают как атавистические эмоции, которым не следует вторгаться в государственную политику или право. Но возмущение спекулянтами есть нечто большее, чем бессмысленный гнев. Это возмущение указывает на моральный довод, который заслуживает, чтобы к нему отнеслись серьезно. Возмущение — гнев особого рода, который возникает, когда люди полагают, что кто-то получает то, чего не заслуживает, иными словами — это реакция на несправедливость.

Когда Крист написал о «жадности, которая должна жить в душе человека, чтобы тот с готовностью воспользовался страданиями других после урагана», он коснулся морального источника возмущения. Крист прямо не связал это наблюдение с законами против раздувания цен. Но в его замечании заложено нечто вроде следующего довода (его можно назвать доводом добродетели):

Жадность — порок, неправильный образ бытия, особенно если она делает людей глухими и слепыми к страданиям других. Жадность — нечто большее, чем личный порок. Она вступает в противоречие с гражданской добродетелью. В моменты трудностей хорошее общество сплачивается. Вместо того чтобы выжимать максимальные преимущества, люди заботятся друг о друге. Общество, в котором люди эксплуатируют своих соседей ради получения финансовой выгоды в периоды кризисов, — плохое общество. Следовательно, чрезмерная жадность — порок, который добропорядочному обществу следует сдерживать, если это возможно, а не поощрять. Законы против раздувания цен не могут изгнать жадность, но, по меньшей мере, могут обуздать ее самые наглые проявления и подать сигнал, что общество осуждает жадность. Наказывая продиктованное жадностью поведение, общество утверждает гражданскую добродетель взаимных жертв во имя общего блага.

Признание нравственной силы довода добродетели не означает утверждения, что добродетель всегда должна брать верх над конкурирующими с нею соображениями. Можно прийти к выводу, что в некоторых случаях сообществу, которое подверглось ударам урагана, следует за-

ключить «делку с дьяволом» — допустить раздувание цен в надежде на привлечение армии кровельщиков и подрядчиков из других мест, пойдя ради этого на моральные издержки и одоблив жадность: дескать, сначала отремонтируем крыши, а общественную организацию поправим потом. Важно, однако, отметить, что дебаты о раздувании цен идут не только о благосостоянии и свободе, но и о добродетели, о культивировании отношений и склонностей, качеств характера, от которых зависит добропорядочное общество.

Некоторые люди, включая многих сторонников законов против раздувания цен, находят довод добродетели неудобным. Причина: довод добродетели носит более оценочный характер, чем доводы, апеллирующие к благосостоянию и свободе. Вопрос о том, ускорит ли политика экономическое восстановление и подхлестнет ли она экономический рост, не основывается на суждении о предпочтениях людей, но предполагает, что все люди отдадут предпочтение не меньшим, а более высоким доходам, и не выносит оценочных суждений относительно того, как люди тратят свои деньги. Сходным образом, вопрос, действительно ли люди делают свободный выбор в условиях принуждения, не требует оценки вариантов выбора, который приходится делать людям. Главное состоит в том, по-настоящему ли люди свободны, а не вынуждены делать выбор — и в какой мере они свободны.

Напротив, довод добродетели основывается на суждении, что жадность — это порок, который государству следует обуздать. Но кто решает, что есть добродетель, а что — порок? Разве у граждан плюралистического общества есть разногласия по этому поводу? И разве не опасно навязывать суждения о том, что есть добродетель, с помощью закона? Сталкиваясь с такими вопросами, многие люди считают, что в вопросах добродетели и порока правительству следует соблюдать нейтралитет. Правительству не следует пытаться культивировать положительные установки или не следует пытаться не поощрять дурные.

Итак, когда мы изучаем наше отношение к намеренному завышению цен, оказывается, что нас влечет в разные стороны: мы возмущаемся, когда люди получают то, чего они не заслуживают; возмущаемся жадностью тех, кто извлекает выгоду из человеческих страданий, и считаем, что такая жадность должна быть наказана, а не вознаграждена.

И все-таки нас беспокоит ситуация, когда суждения о добродетели получают воплощение в законах.

Эта дилемма указывает на один из величайших вопросов политической философии: стремится ли справедливое общество к поощрению добродетели своих граждан? И должен ли закон быть нейтрален по отношению к конкурирующим концепциям добродетели с тем, чтобы граждане могли свободно и самостоятельно выбирать лучший образ жизни?

По существу ответ на этот вопрос разделяет древнюю и современную политическую мысль. В своем трактате «Политика» Аристотель учит, что справедливость заключается в наделении людей тем, чего они заслуживают. А для того чтобы решить, кто чего достоин, следует определить, какие добродетели заслуживают почестей и вознаграждений. Аристотель утверждает, что понять, каково справедливое устройство, невозможно, если сначала не поразмыслить о самом желательном образе жизни. По Аристотелю, закон не может быть нейтральным в вопросах хорошей жизни.

Напротив, политические мыслители современности, начиная с Иммануила Канта в XVIII в. и заканчивая Джоном Роулзом в XX в., утверждают, что принципы справедливости, определяющие наши права, не должны основываться на какой-то определенной концепции добродетели или наилучшего образа жизни. Вместо этого справедливое общество уважает свободу каждого индивидуума выбирать себе концепцию хорошей жизни.

Итак, можно сказать, что теории справедливости у древних начинаются с добродетели, тогда как современные — со свободы. В последующих главах мы рассмотрим сильные и слабые стороны обеих точек зрения. Но с самого начала стоит заметить, что описанное выше различие может вводить в заблуждение.

Если мы обратим взор на доводы справедливости, которые одушевляют современную политическую жизнь (среди людей, не имеющих отношения к философии), мы обнаружим более сложную картину. Большинство наших доводов действительно и, по меньшей мере, внешне касаются содействия благосостоянию и уважения индивидуальной свободы. Но в основе этих доводов часто можно найти проблески дру-

гого комплекса убеждений о том, какие добродетели достойны чести и вознаграждения и какой образ жизни следует поощрять хорошему обществу. Этот комплекс убеждений порой противоречит современным доводам. Хотя мы преданы процветанию и свободе, мы не можем просто отряхнуться от субъективной версии справедливости. Убеждение в том, что справедливость сопряжена с добродетелью так же, как и с выбором, имеет глубокие корни. По-видимому, размышления о справедливости неизбежно вовлекают нас в раздумья о наилучшем образе жизни.

За какие ранения следует награждать медалью «Пурпурное сердце»*?

В некоторых случаях вопросы добродетели и чести слишком очевидны, и от них не отмахнешься. Рассмотрим недавние споры о том, кого следует считать достойным награждения медалью «Пурпурное сердце». Американское военное командование с 1932 г. награждает этим знаком отличия солдат, раненных или убитых в бою неприятелем. В дополнение к чести, эта медаль дает награжденным право на особые привилегии в больницах для ветеранов.

С начала нынешних войн в Ираке и Афганистане у все большего числа ветеранов диагностируют расстройство, вызванное посттравматическим стрессом. Страдающих этим заболеванием старательно лечат. Симптомы заболевания включают ночные кошмары, жестокую депрессию и попытки суицида. Сообщается, что по меньшей мере 3000 ветеранов страдают посттравматическим синдромом или серьезной депрессией. Поскольку психологические травмы могут лишать людей трудоспособности так же, как и физические увечья, защитники предлагают наряду с солдатами действующей армии награждать «Пурпурным сердцем» и таких ветеранов¹¹.

* «Пурпурное сердце» (англ. *Purple Heart*) — военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника. Знак «Пурпурное сердце» был установлен Джорджем Вашингтоном в 1782 г. — Прим. ред.

После того как группа советников Пентагона изучила этот вопрос, Пентагон в 2009 г. объявил, что медалью «Пурпурное сердце» будут награждать только военнослужащих, получивших физические увечья. Ветераны, страдающие психическими расстройствами и психологическими травмами, не будут иметь права на получение этого знака, хотя они имеют право на финансируемое государством лечение и пособия по инвалидности. В качестве причин своего решения Пентагон привел два обстоятельства: посттравматические расстройства не причинены неприятелем умышленно, и эти расстройства трудно объективно диагностировать¹².

Правильное ли решение принял Пентагон? Приведенные военным ведомством причины сами по себе неубедительны. Во время войны в Ираке одним из наиболее распространенных ранений, за которые военнослужащие получали медаль «Пурпурное сердце», были лопнувшие от близких разрывов снарядов и мин ушные барабанные перепонки¹³. Но, в отличие от пуль и бомб, такие разрывы снарядов не являются умышленным тактическим приемом, с помощью которого противник намеревался нанести ранения военнослужащим или убить их. Подобно травматическому стрессу, разрывы барабанных перепонки — увечающий побочный эффект боевых действий. И хотя посттравматические расстройства, возможно, диагностировать труднее, чем травму конечности, причиняемое ими увечье может быть более серьезным, а лечение — более длительным.

Как обнаружилось в ходе расширенной дискуссии о награждении медалью «Пурпурное сердце», в действительности споры шли о значении знака отличия и добродетелях, за которые им награждают. Каковы добродетели, заслуживающие этой награды? В отличие от других военных наград, медалью «Пурпурное сердце» награждают за жертвы, а не за храбрость. Для получения права на этот знак не надо никакого героизма. Нужны только травмы, причиненные неприятелем. Вопрос в том, какого рода травмы должны принимать во внимание награждающие?

Группа ветеранов, называемая «Военный орден Пурпурного сердца», выступила против награждения данной медалью людей, получивших психологические травмы, утверждая, что такие награждения

«снижат ценность» почести. Представитель этой группы заявил, что главным основанием для награждения должна быть «пролитая кровь»¹⁴. Он не объяснил, почему не следует учитывать бескровные травмы. Но Тайлер Будро, бывший капитан морской пехоты, считающий, что награды достойны и люди, которые получили психологические травмы, предлагает убедительный анализ споров вокруг награждения медалью «Пурпурное сердце». Будро объясняет сопротивление группы ветеранов глубоко укоренившимся среди военных мнением, что посттравматический синдром — это своего рода проявление слабости. «Та же культура, которая требует выносливости, поощряет и скептическое отношение к предположению о том, что военное насилие может причинить вред даже самой здоровой психике... Печально, но до тех пор, пока наша военная культура допускает по меньшей мере молчаливое презрение к психологическим травмам, которые наносит война, страдающие от таких травм ветераны вряд ли когда-нибудь получают медаль „Пурпурное сердце“»¹⁵.

Итак, дебаты вокруг «Пурпурного сердца» — это нечто большее, чем спор врачей и клиницистов о том, как определять реальность травм. В основе разногласия лежат конкурирующие концепции нравственного характера и военной доблести. Люди, настаивающие, что награждения достойны только те, кто пролил кровь, считают, что посттравматический синдром отражает слабость характера, недостойную почетной награды. Люди, считающие, что психологические травмы дают право на награду, утверждают, что ветераны, страдающие от длительных травм и жестокой депрессии, принесли родине жертвы столь же определенно и столь же славно, как и те, кто в бою лишился конечности.

Спор о награждении медалью «Пурпурное сердце» иллюстрирует моральную логику выдвинутой Аристотелем теории справедливости. Нельзя решать, кто заслуживает военной награды, не задав вопроса о добродетелях, которые должна отмечать эта награда. А чтобы ответить на этот вопрос, необходимо оценить конкурирующие концепции характера и жертвы.

Можно говорить, что военные награды — дело особое, возврат к древней этике чести и добродетели. Ныне большинство наших доводов, имеющих отношение к справедливости, касается распределения

плодов процветания (или тягот трудных периодов) и определения фундаментальных прав граждан. В этих сферах господствуют соображения благосостояния и свободы. Но доводы, касающиеся правильности и неправильности экономических порядков и механизмов, часто приводят нас к поставленному Аристотелем вопросу: чего именно заслуживают люди с точки зрения морали и почему они этого заслуживают.

Возмущение финансовой помощью

Фурор, вызванный в обществе финансовым кризисом 2008–2009 гг., — показательный пример. На протяжении многих лет котировки акций и цены на недвижимость росли. Счет был предъявлен, когда лопнул пузырь на рынке недвижимости. Банки и финансовые институты Уолл-стрит сделали миллиарды долларов прибыли на сложных инвестициях, основанных на закладных, стоимость которых теперь обрушилась. Некогда гордые фирмы с Уолл-стрит балансировали на грани банкротства. На фондовом рынке произошел обвал, больно ударивший не только по крупным инвесторам, но и по рядовым американцам, пенсионные счета которых резко обесценились. Совокупное богатство американских семей в 2008 г. сократилось на 11 трлн долл. — сумму, равную годовому ВВП Германии, Японии и Великобритании, вместе взятых¹⁶.

В октябре 2008 г. президент Джордж Буш-мл. запросил у Конгресса 700 млрд долл. на оказание финансовой помощи крупным банкам и финансовым компаниям США. То, что Уолл-стрит, получавшая огромные прибыли в хорошие времена, теперь, когда дела пошли плохо, просила налогоплательщиков оплатить предусматриваемую законопроектом помощь, казалось несправедливым. Но альтернативы, по-видимому, не было. Банки и финансовые учреждения стали такими огромными и настолько срослись со всеми сторонами экономической жизни США, что их банкротство обрушило бы всю финансовую систему. Они были «слишком большими, чтобы разориться».

Никто не утверждал, что банки и инвестиционные компании заслуживали денег. Их опрометчивые, безрассудные ставки (которые стали возможными вследствие недостаточного государственного регулирования) вызвали кризис. Но теперь вопрос стоял так: благополучие

экономики в целом, по-видимому, перевешивало соображения справедливости. Конгресс неохотно выделил средства на финансовую помощь.

Затем возник вопрос бонусов. Вскоре после того, как банки и другие финансовые учреждения начали получать помощь, СМИ выяснили, что некоторые компании, получавшие помощь от государства, выплачивали своим директорам и управляющим миллионные бонусы. Самый вопиющий случай имел место в American International Group (A.I.G.), гиганте страхового бизнеса, который был доведен до банкротства рискованными инвестициями, сделанными его собственным подразделением финансовых продуктов. Несмотря на то что A.I.G. была спасена вливаниями государственных средств (общая сумма финансовой помощи этой компании составила 173 млрд долл.), компания выплатила бонусы на сумму 165 млн долл. руководителям того самого подразделения, действия которого и спровоцировали кризис. Семьдесят три сотрудника получили бонусы в размере 1 млн долл. и более¹⁷.

Сообщения о бонусах вызвали яростный протест общественности. На этот раз возмущение вызвали не 10-долларовые мешочки со льдом и не завышение цен на комнаты в отелях. Людей возмутили щедрые вознаграждения, которые были субсидированы за счет средств налогоплательщиков и достались представителям подразделения, способствовавшим началу мирового финансового кризиса и доведению этого кризиса почти до точки обвала, полного расплавления финансовой системы. Что-то в этой картине было не так. Хотя правительство США теперь владело 80% компании, министр финансов напрасно умолял CEO* A.I.G., назначенного правительством, отменить бонусы. CEO компании ответил министру: «Если сотрудники будут считать, что министерство финансов постоянно и произвольно корректирует сумму их вознаграждений, мы не сможем привлечь и удерживать лучшие, блестящие умы». CEO утверждал, что талантливые сотрудники необходимы для избавления компании от токсичных активов. Это пойдет во благо налогоплательщикам, которым, в конечном счете, принадлежит большая часть компании¹⁸.

* Здесь и далее — генеральный директор. — Прим. ред.

Общественность отреагировала на эти сообщения вспышкой ярости. Чувства многих хорошо обобщил заголовок, занявший целую страницу таблоида New York Post: «Не так быстро, вы, жадные ублюдки»¹⁹. Палата представителей Конгресса США попыталась возместить казне выплаты, одобрив законопроект, согласно которому бонусы, выплаченные сотрудникам получивших существенную финансовую помощь компаний, облагаются налогом в размере 90%²⁰. Под давлением генерального прокурора штата Нью-Йорк Эндрю Куомо 15 из 20 получателей бонусов в A.I.G. согласились вернуть выплаченные им средства. В общей сложности было возвращено примерно 50 млн долл.²¹ Этот жест в какой-то мере смягчил гражданский гнев, и поддержка карательной налоговой меры в Сенате исчезла²². Но эпизод с бонусами вызвал у общественности колебания относительно дальнейших расходов на расчистку «авгиевых конюшен» финансовой отрасли.

В основе возмущения финансовой помощью лежало ощущение несправедливости. Еще до того, как разразился скандал с бонусами, поддержка финансовой помощи в обществе была шаткой и противоречивой. Американцев раздирало между необходимостью предотвратить полное обрушение экономики, которое ударило бы по каждому, и уверенностью в том, что закачка крупных сумм в терпящие бедствие банки и инвестиционные компании глубоко несправедлива. Конгресс и общественность согласились, что помощь надо оказать во избежание экономической катастрофы. Но, с моральной точки зрения, в течение всего кризиса помощь банкам и финансовым компаниям американцы воспринимали как своего рода вымогательство.

В основе возмущения финансовой помощью лежало убеждение в моральном предательстве: руководители банков и финансовых учреждений, получавшие бонусы (и компании, получавшие помощь), не заслуживали ни того ни другого. Но почему не заслуживали? Причина может быть менее очевидной, чем кажется. Рассмотрим два возможных ответа на этот вопрос. Первый касается жадности, второй — банкротства.

Одним из источников гнева была убежденность, что бонусами, по-видимому, вознаграждали жадность, на что бестактно указывали заголовки в таблоидах. Общественность сочла это отвратительным с моральной точки зрения. Казалось, что не только бонусы, но и финан-

совая помощь в целом извращенным образом вознаграждают алчное поведение вместо того, чтобы карать за него. Делая безрассудные инвестиции в погоне за все большей прибылью, работавшие с деривативами трейдеры поставили свои компании (и страну в целом) в отчаянное финансовое положение. Прикармливая прибыли в хорошие времена, эти люди не видели ничего дурного в получении миллионных бонусов даже после того, как их инвестиции привели к разорению²³.

Критика жадности раздавалась не только в таблоидах. С такой критикой (в более пристойных формах) выступали и должностные лица государства. Сенатор Шеррод Браун (демократ от штата Огайо) заявил, что от поведения A.I.G. «разит жадностью, высокомерием и более худшими вещами»²⁴. Президент Барак Обама заявил, что A.I.G. «оказалась в бедственном финансовом положении вследствие безрассудства и жадности»²⁵.

Проблема с критикой жадности заключается в том, что такая критика не делает различий между вознаграждениями, предоставленными после краха, и вознаграждениями, которые обеспечили рынки во времена подъема. Жадность — порок, неправильная установка, чрезмерное и целеустремленное стремление к прибыли. Таким образом, понятно, что люди не хотят вознаграждать подобное поведение. Но есть ли какие-то основания полагать, что получатели бонусов в компаниях, принявших помощь, теперь стали жаднее, чем были несколько лет назад, когда они неслись на гребне волны и получали еще бо льшие вознаграждения?

Трейдеры с Уолл-стрит, банкиры и управляющие хедж-фондами — люди жесткие. Погоня за финансовой прибылью — профессия, которой они зарабатывают на жизнь. Независимо от того, накладывает ли эта профессия отпечаток на характер, их добродетель вряд ли колеблется в такт подъемам и спадам на фондовом рынке. Таким образом, если вознаграждать жадность крупными бонусами за счет финансовой помощи неправильно, то правильно ли вознаграждать жадность за счет щедрот рынка? Когда в 2008 г. фирмы Уолл-стрит (некоторые из этих фирм продолжали существовать за счет налогоплательщиков) выплатили 16 млрд долл. в виде бонусов, общественность возмутилась. Но эта сумма была более чем вдвое меньше сумм бонусов, выплаченных в 2006 г. (тогда было выплачено 34 млрд долл.) и в 2007 г., когда на это

ушло 33 млрд долл.²⁶ Если причиной того, что эти люди не заслуживают таких денег, является жадность, тогда на каком основании можно говорить, что прежде они этого заслуживали?

Одно из очевидных различий состоит в том, что бонусы в компаниях, получающих финансовую помощь от государства, выплачиваются из средств налогоплательщиков, тогда как бонусы, полученные в лучшие времена, выплачивались из доходов компаний. Но если возмущение основывается на убеждении, что бонусы незаслуженны, источник средств в моральном отношении не имеет решающего значения. Однако это рассуждение дает нам ключ: причиной того, что бонусы выплачивают за счет средств налогоплательщиков, является то, что компании потерпели неудачу. Это приводит нас к сущности жалоб. На самом деле американская общественность возражает против бонусов (и финансовой помощи) не потому, что они вознаграждают жадность, а потому, что они вознаграждают неудачу.

Американцы к неудачам относятся строже, чем к жадности. В рыночных обществах от честолюбивых людей ожидают того, что они будут энергично преследовать свои интересы, и линия между эгоизмом и жадностью часто бывает размытой. Но линия между успехом и неудачей проведена более резко. И мысль о том, что люди заслуживают вознаграждений, которые приносят успех, занимает центральное место в американской мечте.

Несмотря на свое брошенное мимоходом упоминание о жадности, президент Обама понял, что глубинным источником разногласий и возмущения является вознаграждение за неудачи. Объявляя о пределах оплаты управляющих в компаниях, получающих финансовую помощь, Обама раскрыл подлинный источник возмущения, которое вызывала финансовая помощь:

«Это — Америка. Мы не осуждаем богатство. Мы не завидуем людям, добившимся успеха. И мы определенно верим, что успех следует вознаграждать. Но людей возмущает — и правильно, обоснованно возмущает, — что управляющих вознаграждают за неудачи, особенно тогда, когда эти вознаграждения субсидируют средствами американских налогоплательщиков»²⁷.

Одно из самых эксцентричных заявлений об этичности финансовой помощи сделал сенатор-республиканец от штата Айова Чарльз Грассли, сторонник консерватизма в налоговых вопросах из американской глубинки. В разгар шумихи, разыгравшейся вокруг бонусов, Грассли в интервью одной из радиостанций Айовы сказал, что его больше всего беспокоит отказ управляющих корпорациями признать свою ответственность и вину за неудачи и он, Грассли, «отнесся бы к ним лучше, если б они последовали примеру японцев, вышли перед американским народом, низко поклонились и сказали: „Сожалеем“, а потом сделали бы одно из двух — ушли в отставку или покончили с собой»²⁸.

Позднее Грассли объяснил, что не призывает управляющих к самоубийству, но хочет, чтобы они взяли на себя ответственность за свои неудачи, проявили искреннее раскаяние и публично извинились. «Я не слышал ничего подобного от CEO компаний, и это просто крайне мешает налогоплательщикам моего округа продолжать лопатой выбрасывать деньги на улицу», — заявил сенатор²⁹.

Замечания Грассли подтверждают мою догадку о том, что возмущение финансовой помощью было вызвано в основном не жадностью; сильнее всего чувство справедливости американцев оскорбило известие о том, что выплаченные ими в виде налогов доллары используют для вознаграждения за неудачи.

Если это действительно так, остается спросить, оправдан ли такой взгляд на финансовую помощь. Следует ли действительно обвинять в финансовом кризисе CEO и старших управляющих крупных банков и инвестиционных компаний? Многие из них так не думают. В своих показаниях комитетам Конгресса, расследовавшим финансовый кризис, эти люди настаивали на том, что сделали все, что могли сделать на основании имевшейся у них информации. Бывший главный исполнительный директор компании Bear Stearns, инвестиционной компании с Уолл-стрит, обанкротившейся в 2008 г., сказал, что он долго и напряженно размышлял, мог ли он сделать что-нибудь иначе. И пришел к выводу, что сделал все, что мог. «Я был просто не способен придумать что-то такое... что изменило бы ситуацию, с которой мы столкнулись»³⁰.

CEO других обанкротившихся компаний были согласны с бывшим руководителем Bear Stearns и настаивали на том, что стали жертвами

«финансового цунами», которое было им неподвластно³¹. Сходное отношение разделяли и молодые трейдеры, с трудом понимавшие возмущение, которое вызывали у общественности их бонусы. Один трейдер с Уолл-стрит сказал репортеру *Vanity Fair*: «Нам нигде не сочувствуют. Но не потому, что мы не работали как проклятые»³².

Метафора цунами стала расхожим описанием финансовой помощи, особенно в финансовых кругах. Если управляющие правы и крушение их компаний обусловлено не их решениями, а более мощными экономическими силами, это объяснило бы, почему они не выразили раскаянья, которое желал от них услышать сенатор Грассли. Но это вызывает далекоидущие вопросы о неудаче, успехе и справедливости.

Если действие фундаментальных, системных сил экономики объясняет катастрофические убытки 2008–2009 гг., можно ли утверждать, что и ослепительные прибыли предшествующих лет объясняются действием тех же самых сил? Если в неурожаях надо винить погодные условия, то можно ли считать, что дарования, мудрость и напряженный труд банкиров, трейдеров и управляющих с Уолл-стрит являются причиной колоссальных прибылей, полученных в те дни, когда сияло солнце?

Столкнувшись с возмущением, которое у общественности вызвала выплата бонусов за неудачи, CEO финансовых учреждений уверяли, что доходы и прибыли не всецело зависят от их действий, а являются результатом работы сил, которые они, финансисты, не контролируют! Возможно, они правы. Но если это действительно так, у нас есть веская причина усомниться в притязаниях финансистов на непомерные компенсации в лучшие времена. Разумеется, окончание холодной войны, глобализация торговли и рынков капитала, стремительное развитие персональных компьютеров и интернета, равно как и множество других факторов, помогают объяснить успехи финансовой отрасли в 1990-х гг. и в начале XXI в.

В 2007 г. CEO крупных американских корпораций получали в 344 раза больше, чем средний рабочий³³. На каких основаниях (если такие основания вообще существуют) руководители заслуживают гораздо большего, чем их подчиненные? Большинство из руководителей напряженно, много и продуктивно трудятся. Но рассмотрим следующий момент: в 1980 г. CEO заработали в 42 раза больше, чем их сотрудники³⁴.

Были ли CEO, управлявшие в 1980 г., менее талантливыми и трудолюбивыми, чем сегодня? Или же различия в заработных платах отражают непредвиденные обстоятельства, которые не связаны с дарованиями и навыками?

Или сравним уровень вознаграждений, получаемых CEO в США, с уровнями вознаграждений, которые получают управляющие в других странах. CEO ведущих американских компаний зарабатывают в среднем 13,3 млн долл. в год (по данным за 2004–2006 гг.). Сравните эту сумму с 6,6 млн долл., которые получают старшие руководители в Европе, и с 1,5 млн долл., которые получают CEO в Японии³⁵. Действительно ли американские управляющие заслуживают вдвое большего вознаграждения, чем их европейские коллеги, и в 9 раз большего, чем CEO японских компаний? Или же эти различия отражают также факторы, не связанные с усилиями и талантами, которые управляющие приносят в свою работу?

Охватившее в начале 2009 г. США возмущение финансовой помощью стало проявлением широко распространенного мнения, что люди, которые приводят свои компании к банкротству путем рискованных инвестиций, не заслуживают бонусов, исчисляемых миллионами долларов. Но спор о бонусах вызывает вопросы о том, кто и чего заслуживает в лучшие времена. Заслуживают ли успешные люди щедрот, которые приносят им рынки, или таковые щедроты зависят от факторов, неподвластных этим людям? А какие выводы можно сделать относительно взаимных обязательств граждан — как в хорошие, так и в трудные времена? Предстоит увидеть, вызовет ли финансовый кризис дебаты в обществе по этим более широким вопросам.

Три подхода к справедливости

Спросить, справедливо ли общество, почти то же, что спросить, как в этом обществе распределяют все, что мы ценим: доходы и богатства, обязанности и права, полномочия и возможности, должности и почести. В справедливом обществе каждый получает то, что заслуживает. Трудности начинаются, когда мы задаемся вопросами: чего и по каким причинам заслуживают люди.

Мы уже начали решать эти сложные вопросы. Размышляя о выгодах и недостатках раздувания цен, о конкурирующих притязаниях на медаль «Пурпурное сердце» и о финансовой помощи, мы установили три подхода к распределению благ с различных позиций: благосостояния, свободы и добродетели. Каждый из этих идеалов предлагает особый способ размышления о справедливости.

С одной стороны, наши споры отражают разногласия относительно того, что же именно означает справедливость для максимизации благосостояния, уважения свободы или воспитания добродетели. С другой стороны, споры сопряжены с разногласиями по поводу действий в случаях, когда указанные идеалы вступают в конфликт друг с другом. Политическая философия не может разрешить эти разногласия раз и навсегда. Но рассуждения об этом придают форму имеющимся у нас доводам и моральную ясность альтернативам, с которыми мы сталкиваемся как граждане демократического государства.

В этой книге исследованы сильные и слабые стороны представленных трех способов размышления о справедливости. Мы начинаем с идеи максимизации благосостояния. Для рыночных обществ вроде американского эта идея — естественная отправная точка. Современные политические дебаты в значительной степени затрагивают вопросы процветания или повышения уровня жизни — или стимулирования экономического роста. Почему мы заботимся об этом? Самый очевидный ответ таков: мы считаем, что процветание улучшает наше положение по сравнению с тем, в каком состоянии мы оказались бы без материального процветания — и как индивидуумы, и как общество. Другими словами, процветание имеет значение потому, что способствует нашему благосостоянию. Чтобы исследовать эту идею, мы обратимся к утилитаризму, который дает самое влиятельное описание: как и почему нам следует максимизировать благосостояние — или, как формулируют проблему утилитаристы, стремиться к максимальному счастью максимального числа людей.

Далее, мы рассмотрим ряд теорий, которые связывают справедливость со свободой. В большинстве из них акцент сделан на уважение индивидуальных прав, хотя среди сторонников этих теорий постоянно идут споры о том, какие права наиболее важны. Идея о том, что

справедливость означает уважение свободы и индивидуальных прав, в современной политике столь же известна, как и утилитаристская идея максимизации благосостояния. Например, в американском Билле о правах сформулированы определенные свободы, в том числе свобода слова и свобода вероисповедания, и эти свободы не может нарушать даже большинство инакомыслящих. А в мире мысль о том, что справедливость означает уважение определенных универсальных прав человека, получает все большее распространение и признание (по меньшей мере в теории, если не на практике).

Подход к справедливости, начинающийся со свободы, разделяет обширная школа мыслителей. В сущности, некоторые действия, вызывающие самые ожесточенные политические споры нашего времени, происходят между двумя соперничающими лагерями — между сторонниками *laissez-faire** и приверженцами справедливости. Лагерь *laissez-faire* возглавляют сторонники свободного рынка — либертарианцы, считающие, что справедливость заключается в уважении и поддержке добровольного выбора, который делают взрослые люди по взаимному согласию. В лагере сторонников справедливости — теоретики более эгалитарных воззрений. Они утверждают, что свободные от всякого регулирования рынки на самом деле не являются ни справедливыми, ни свободными. По их мнению, справедливость требует проведения мер, которые устраняют социальные и экономические недостатки и дают справедливые шансы на успех каждому.

Наконец, мы обратимся к теориям, которые рассматривают справедливость как качество, тесно связанное с добродетелью и праведным, благим образом жизни. В современной политике теории добродетели часто связывают с культурным консерватизмом и религиозными правыми фундаменталистами. Идея воплощения морали в законодательстве — страшная ересь и проклятье для многих граждан либеральных обществ, поскольку такое воплощение сопряжено с риском соскальзывания в нетерпимость и принуждения. Но идея того, что справедливое общество утвердит определенные добродетели и концепции благой жизни, вдохновляет политические движения и споры по всему идео-

* Невмешательство государств (*фр.*).

логическому спектру. Не только Талибан, но и аболиционисты, а также Мартин Лютер Кинг-мл. черпали и черпают свои представления о справедливости из нравственных и религиозных идеалов.

Прежде чем пытаться оценивать эти теории справедливости, стоит задаться вопросом, как можно развивать философские доводы. В особенности в столь спорной сфере, как нравственная и политическая философия. Доводы зачастую возникают из конкретных ситуаций. Как мы видели в ходе обсуждения проблем намеренного завышения цен, награждения медалью «Пурпурное сердце» и оказания помощи банкам и финансовым учреждениям, моральные и политические размышления находят проявления в разногласиях, происходящих между приверженцами или защитниками конкурирующих сил общественной жизни. Иногда разногласия возникают в нашем сознании, как это случается, когда нас раздирают противоречия во мнениях по трудному вопросу морали или сам вопрос вызывает некий внутренний конфликт.

Но каким именно образом можно рассуждать исходя из мнений о конкретных ситуациях и восходя к принципам справедливости, которые, по нашему убеждению, следует применять во всех ситуациях? Короче говоря, в чем заключается моральная рефлексия?

Чтобы понять, как можно развивать моральное рассуждение, обратимся к двум ситуациям — к мудреной гипотетической истории, много раз обсуждавшейся философами, и к реальной истории о мучительной моральной дилемме.

Рассмотрим сначала выдумку философов³⁶. Как и все подобные сказки, эта история имеет сценарий, избавленный от многих реалистичных сложностей, так что мы можем сосредоточиться на ограниченном круге философских вопросов.

Неуправляемый трамвай

Предположим, вы — водитель трамвая, несущегося с горы со скоростью 100 км в час. Прямо на путях вы видите пятерых рабочих-ремонтников. Вы пытаетесь остановить трамвай, но не можете этого сделать. Тормоза не работают. Вы в отчаянии, так как знаете, что, если собьете этих людей, они погибнут.

Внезапно вы замечаете боковую ветку, уходящую вправо. И там на путях стоит только один рабочий. Вы понимаете, что можете повернуть трамвай на эту ветку. В этом случае вы убьете одного человека, но спасете пятерых.

Что же следует сделать? Большинство людей скажут: «Поворачивать! Хотя убить одного невинного человека — это трагедия, но убить пятерых еще хуже». Принесение в жертву одной жизни ради спасения жизни пяти человек представляется правильным поступком, который и следует совершить.

Теперь рассмотрим другой вариант той же истории. На этот раз вы — не водитель, а просто наблюдатель, стоящий на мосту, под которым проходит трамвайная колея (у которой в этом варианте нет боковой ветки). По рельсам несется трамвай, а в конце пути находятся пятеро рабочих. Тормоза не работают и в этом варианте истории. Трамвай вот-вот врежется в рабочих. Вы понимаете, что не в силах предотвратить катастрофу, — до тех пор, пока не замечаете, что рядом с вами на мосту стоит крупный, дородный мужчина. Вы можете сбросить его с моста на пути, по которому мчится трамвай. Этот человек погибнет. Но пятеро рабочих будут спасены. (Вы подумали, что могли бы и сами броситься на рельсы, но понимаете, что массы вашего тела недостаточно для того, чтобы остановить трамвай.)

Будет ли сбрасывание дородного человека на пути правильным поступком, который надо совершить? Большинство людей скажут: «Конечно, нет. Бросать человека на рельсы было бы крайне неправильным поступком».

Сбрасывание кого-то с моста на верную смерть представляется страшным делом, даже если оно спасет жизнь пяти неповинным людям. Но тут возникает нравственная головоломка: почему принцип, который кажется правильным в первом случае и предписывает пожертвовать одной жизнью ради спасения пяти жизней, представляется неправильным во втором случае?

Если, как подсказывает наша реакция на первый случай, число имеет значение, если спасти пять жизней лучше, чем одну, то почему не применить это принцип во втором случае и не столкнуть крупного человека с моста под несущийся трамвай? Толкать человека на смерть,

по-видимому, жестоко. Даже по хорошей причине. Но разве убийство человека в результате столкновения с трамваем менее жестоко?

Возможно, столкновение кого-либо с моста не является правильным потому, что при этом действуют против его воли. В конце концов, он не хотел участвовать в этом. Он просто там оказался.

Но то же можно сказать и о человеке, работающем на боковой ветке. Он тоже не хотел стать участником этой истории. Просто выполнял свою работу и не собирался по собственной воле жертвовать своей жизнью и гибнуть под колесами потерявшего управление трамвая. Можно утверждать, что рабочие-ремонтники охотно идут на риск, на который не идут другие люди. Но предположим, что готовность погибнуть в результате чрезвычайной ситуации ради спасения жизни других людей — не часть служебных обязанностей и рабочий согласен отдать свою жизнь не больше, чем человек, случайно оказавшийся на мосту.

Моральное различие состоит, возможно, не в воздействии на жертв (погибнут оба), а в намерении человека, принимающего решение. Как водитель трамвая, вы можете отстаивать свое решение повернуть трамвай, указав на то, что вы не имели намерения убивать рабочего, стоявшего на боковой ветке, хотя могли предвидеть такой исход дела. Ваша цель была бы достигнута, если бы, по великому везению, пятерым рабочим удалось спастись, а шестому — выжить.

Но то же справедливо и в случае столкновения прохожего с моста. Смерть человека, которого вы сбрасываете, несущественна для вашей цели. Все, что ему нужно сделать, это остановить трамвай. Если ему удастся сделать это и каким-то образом остаться в живых, вы будете очень рады.

Или, возможно, поразмыслив, эти два случая следует подчинить одному и тому же принципу. Оба случая предполагают сознательный выбор: вам надо отнять жизнь у ни в чем неповинного человека для того, чтобы предотвратить еще большее число смертей. Возможно, колебания, которые вы испытываете, размышляя, сталкивать ли человека с моста, — просто брезгливость, колебания, которые надо преодолеть. Столкнуть человека голыми руками на гибель кажется большей жестокостью, чем поворот руля трамвая. Но поступить правильно не всегда просто.

Эту мысль можно проверить, слегка изменив историю. Предположим, что вы, как праздный наблюдатель, можете заставить стоящего рядом с вами крупного мужчину прыгнуть на рельсы, не толкая его с моста. Или представьте, что он стоит на крышке люка, которую вы можете открыть, повернув рычаг. Вы никого не сталкиваете, а результат тот же. Что делает такое действие правильным? Или для вас, как для водителя трамвая, поворот на боковую ветку по-прежнему хуже в моральном отношении?

Нравственное различие этих случаев объяснить нелегко. В самом деле, почему поворот трамвая на боковую ветку кажется правильным, а сталкивание человека с моста — неправильным действием? Но обратите внимание на напряжение, которое мы испытываем при рассуждениях о способах проведения убедительного различия между двумя ситуациями, и если мы не можем сделать этого, то как же правильно поступить в каждом случае при переоценке наших суждений? Порой мы думаем о моральных рассуждениях как о способе убеждения других людей. Но такая рефлексия является еще и способом разобраться в наших собственных моральных убеждениях, выяснить, во что и почему мы верим.

Некоторые моральные дилеммы возникают вследствие конфликта нравственных принципов. Например, один принцип, который вступает в игру в истории с трамваем, предписывает нам спасти жизнь как можно большего числа людей, но другой принцип говорит, что убивать неповинного человека, даже ради благого дела, — неправильно. Столкнувшись с ситуацией, когда спасение нескольких человеческих жизней зависит от убийства неповинного человека, мы оказываемся морально в затруднительном положении. Нам надо попытаться установить, какой принцип важнее или же более соответствует обстоятельствам.

Другие моральные дилеммы возникают в связи с нашей неуверенностью в дальнейшем развитии событий. Гипотетические примеры вроде истории с неуправляемым трамваем устраняют неопределенность, окружающую решения, с которыми мы сталкиваемся в реальной жизни. Эти истории предполагают, что мы точно знаем, сколько человек погибнет, если мы не повернем трамвай (или не сбросим человека с моста). Данное обстоятельство делает подобные истории весьма несовершенным руководством к действию. Но оно же делает их полезным

инструментом морального анализа. Гипотетические примеры, в которых за скобки вынесены непредвиденные обстоятельства («А что, если рабочие заметят несущийся на них трамвай и вовремя отпрыгнут в сторону?»), помогают нам выявлять принципы, имеющие отношение к делу, и изучить их силу.

Афганские пастухи

Теперь рассмотрим реальную моральную дилемму, в некоторых отношениях похожую на придуманную историю о неуправляемом трамвае, но усложненную неопределенностью дальнейшего развития событий.

В июне 2005 г. разведгруппу, состоявшую из унтер-офицера Маркуса Латтрелла и трех других бойцов спецназа ВМС США, забросили с секретным заданием в приграничный с Пакистаном район Афганистана на поиски одного из лидеров движения Талибан, который был близким сообщником Усамы Бен Ладена³⁷. По донесениям разведки, человек, за которым охотилась группа, командовал отрядом из 140–150 хорошо вооруженных боевиков и находился в деревушке, расположенной в труднодоступной горной местности.

Вскоре после того, как разведгруппа заняла на горном хребте позицию, с которой просматривалась деревня, на американцев случайно вышли двое крестьян-афганцев, пасших сотню коз. С ними был мальчик лет 14. Эти афганцы не были вооружены. Американцы взяли их на прицел, знаками велели сесть на землю и начали совещаться, что делать с задержанными. С одной стороны, пастухи выглядели как безоружные гражданские лица. С другой стороны, отпустить их было нельзя: они могли сообщить боевикам, что видели американских солдат поблизости от деревни.

В процессе обсуждения вариантов действий американцы поняли, что у них нет веревки, а потому они не смогут связать афганцев и переместить их в другое убежище. Надо было выбирать одно из двух: или убить афганцев, или отпустить их.

Один из товарищей Латтрелла настаивал на расстреле пастухов: «Мы выполняем задание в тылу врага. Нас отправили сюда командиры. У нас есть право делать все, что в наших силах, для спасения собственной

жизни. Военное решение очевидно. Если мы освободим пастухов, это будет ошибкой»³⁸. Латтрелл колебался. Позднее он писал: «В глубине души я понимал, что мой товарищ прав. Вероятно, мы не могли освободить пастухов. Моя проблема состоит в том, что у меня есть другая душа. Моя христианская душа. И она взывала к моему сознанию, в глубине которого что-то продолжало мне нашептывать, что хладнокровно расстрелять этих людей было бы неправильно»³⁹. Латтрелл не говорит, что он имеет в виду под своей христианской душой, но в конце концов его совесть не позволила ему убить афганцев. И он отдал свой решающий голос за освобождение задержанных. (Один из трех его товарищей воздержался при голосовании.) Латтреллу вскоре пришлось пожалеть о своем решении.

Часа через полтора после того, как разведгруппа отпустила задержанных пастухов, четверых американцев окружили 80–100 боевиков-талибов, вооруженных автоматами АК-47 и гранатометами. В последовавшей ожесточенной перестрелке все трое товарищей Латтрелла были убиты. Кроме того, талибам удалось сбить американский вертолет, пытавшийся эвакуировать разведгруппу Латтрелла. Все 16 военнослужащих, находившихся на борту вертолета, погибли.

Тяжелораненому Латтреллу удалось выжить. Он скатился по склону и прополз 10 км до пуштунского селения, жители которого защищали его от талибов до тех пор, пока его не забрали американцы.

Задним числом Латтрелл осудил свое решение не убивать пастухов. «Это было глупейшим, самым нелепым, самым дурацким решением, какое я только принимал в жизни, — писал он в книге о пережитом. — Должно быть, у меня отшибло способность соображать. По сути дела, я проголосовал за то, что, как я понимал, было равнозначно подписанию смертного приговора для нас всех... По крайней мере, теперь, оглядываясь на прошлое, я это понимаю... Решающим голосом был мой, и мысль об этом будет преследовать меня, пока они ждут меня в могиле на кладбище в восточном Техасе»⁴⁰.

Частью того, что сделало стоявшую перед солдатами дилемму столь трудной, была неопределенность относительно того, что произойдет, если они освободят пастухов. Пойдут ли пастухи просто по своим делам или сообщат талибам об американцах? Но предположим, что

Латтрелл знал, что освобождение пастухов приведет к смертельному бою, в котором погибнут 19 американцев, он сам будет ранен, а задание, поставленное разведгруппе, будет провалено? Принял бы Латтрелл другое решение?

Задним числом ответ Латтреллу очевиден: пастухов надо было расстрелять. Учитывая разыгравшуюся впоследствии катастрофу, трудно не согласиться с таким решением. С количественной точки зрения, решение Латтрелла сходно с теми, которые принимают в истории с несущимся неуправляемым трамваем. Убийство трех афганцев спасло бы жизнь трем его товарищам и еще 16 американцам, пытавшимся вызвать разведгруппу. Но какой вариант истории с трамваем напоминает история Латтрелла? На что больше походит расстрел пастухов — на поворот трамвая на боковую ветку или на сбрасывание человека с моста? Тот факт, что Латтрелл предвидел опасность и все же не мог заставить себя хладнокровно убить безоружных гражданских лиц, указывает на то, что его случай, пожалуй, ближе к тому варианту трамвайной истории, где человека сбрасывают с моста.

И все же доводы в пользу расстрела пастухов, по-видимому, несколько сильнее, чем доводы в пользу сбрасывания с моста человека. Возможно, потому что с учетом дальнейшего развития событий мы подозреваем: пастухи — не ни в чем не повинные посторонние люди, а сторонники талибов. Рассмотрим аналогию. Будь у нас причины думать, что человек на мосту повинен в поломке тормозов трамвая, что он сделал это в надежде на то, что потерявший управление трамвай убьет работающих на путях (допустим, рабочие — враги этого человека), моральные доводы в пользу сбрасывания этого человека с моста стали бы выглядеть более сильными. Нам по-прежнему надо знать, кто является врагами этого человека и почему он хочет убить этих людей. Если бы мы знали, что путевые рабочие — участники французского Сопротивления, а толстяк на мосту — нацист, желающий убить участников Сопротивления и для этого испортивший систему управления трамвая, довод в пользу сбрасывания этого нациста с моста ради спасения жизни рабочих-ремонтников стал бы еще более убедительным.

Разумеется, возможно, что те афганские пастухи не были сторонниками талибов, что они сохраняли нейтралитет в конфликте или

даже были противниками талибов, что талибы вынудили их сообщить о присутствии американцев. Предположим, Латтрелл и его товарищи были абсолютно уверены в том, что пастухи не желают им никакого зла, но, если талибы будут пытаться их, они расскажут, где находится американская разведгруппа. Американцы могли убить пастухов, чтобы обеспечить выполнение поставленной разведгруппе задачи и собственную безопасность. Но принятие такого решения потребовало бы больших усилий, было бы более мучительным (и более сомнительным в моральном плане), чем в том случае, если бы американцы точно знали, что пастухи — шпионы талибов.

Моральные дилеммы

Немногим из нас приходится принимать решения столь фатальные, как то, с которым столкнулись бойцы американского спецназа в афганских горах или человек, видящий несущийся с горы неуправляемый трамвай. Но эти дилеммы проливают свет на способ моральной рефлексии в нашей обыденной жизни и в общественной деятельности.

Жизнь в демократическом обществе полна разногласий по вопросам правильного и ошибочного, справедливого и несправедливого. Одни люди выступают за право на аборт, а другие называют аборт убийством. Некоторые считают справедливым требовать налогообложения богатых, чтобы помогать бедным, тогда как другие считают, что отнимать налогами деньги, которые люди зарабатывают напряженным трудом, несправедливо. Иные отстаивают защиту прав представителей исторически ущемленных групп при приеме в высшие учебные заведения как способ исправления былой несправедливости, а другие считают такие льготы несправедливой формой «дискриминации наоборот», которая бьет по людям, заслуживающим приема в вузы. Одни отвергают применение пыток к подозреваемым в террористической деятельности, считая такую практику морально отвратительной, недостойной свободного общества, а другие защищают применение пыток при необходимости, в качестве последнего средства предотвращения вылазок террористов.

На этих разногласиях выигрывают и проигрывают выборы. Из-за этих разногласий ведут так называемые культурные войны. Учитывая

страсть и интенсивность, с которой мы обсуждаем моральные вопросы в общественной жизни, у нас, возможно, есть соблазн думать, что наши моральные убеждения неизменны, даны нам раз и навсегда воспитанием или верой и находятся за пределами рассуждений.

Но, будь это так, моральное убеждение было бы немыслимо, и то, что мы принимаем за общественные дискуссии о справедливости и правах, было бы не больше, чем сотрясание воздуха залпами догматических утверждений, битва идеологов.

В своих худших проявлениях наша политика приближается к такому состоянию. Но в том, чтобы она была такой, нет никакой необходимости. Иногда доводы могут изменить ход наших мыслей.

Каким образом мы можем продумывать путь в спорной сфере справедливости и несправедливости, равенства и неравенства, личных прав и общего блага? Эта книга — попытка ответить на данный вопрос.

Начать можно с наблюдения за тем, как из столкновения с трудным моральным вопросом возникает моральная рефлексия. Мы начинаем с мнения (или убеждения) о том, какое правильное действие следует совершить, скажем, с утверждения: «Трамвай надо повернуть на боковую ветку». Затем мы размышляем о причинах нашего убеждения и ищем принцип, на котором это убеждение основано. Оказывается, этот принцип формулируется так: «Лучше пожертвовать одним человеком ради спасения от смерти многих». Затем, столкнувшись с ситуацией, осложняющей действие принципа, мы запутываемся: «Я думал, что спасать как можно больше людей всегда правильно, и все же представляется неверным сталкивать человека с моста (или убивать безоружных пастухов)». Ощущение неразрешимости этих сомнений и необходимости разобраться с ними является побуждением к философствованию.

Находясь в подобном напряжении, мы можем пересмотреть свои суждения о том, какой поступок будет правильным. Или переосмыслить принцип, которого мы поначалу придерживались. Сталкиваясь с новыми ситуациями, мы переходим от одних суждений и принципов к другим и пересматриваем их в свете друг друга. Это свойство ума, его способность уходить из мира действий в мир рассуждений и возвращаться обратно, является моральной рефлексией.

Такое понимание моральных рассуждений как диалектического взаимодействия собственных суждений о конкретных ситуациях и принципах, которые мы утверждаем в размышлениях, имеет долгую традицию. Оно восходит к диалогам Сократа и нравственной философии Аристотеля. Но, несмотря на его древнее происхождение и долгую историю, этот способ открыт следующему серьезному возражению...

Если моральное рассуждение заключается в поиске соответствия собственных суждений принципам, которые мы отстаиваем, как такие рассуждения могут привести нас к справедливости или моральной истине? Даже если нам за всю жизнь удастся преуспеть в приведении подсказанных нам интуицией нравственных прозрений в соответствие с принципиальными обязательствами, как можно быть уверенным, что результатом этого будет нечто большее, чем хорошо сплетенный, лишенный внутренних противоречий клубок предрассудков?

Ответ на этот вопрос таков: моральная рефлексия — не занятие одиночек, а общественное усилие. Моральная рефлексия требует присутствия друзей или соседей, товарищей или сограждан — кого-то, кто мог бы служить собеседником. Иногда собеседник может быть не настоящим, а вымышленным (что и происходит, когда мы спорим сами с собой). Но нельзя с помощью одного лишь самоанализа открыть смысл справедливости или наилучший образ жизни.

Сократ уподобляет граждан «Республики» Платона пленникам, заточенным в пещере. Все, что они видят, — игра теней на стенах пещеры, тени предметов, смысл и предназначение которых пленникам никогда не постигнуть. По мнению Сократа, только философ способен выйти из пещеры на яркий дневной свет, в котором он видит вещи такими, каковы они в действительности. Сократ предполагает, что только озаренный солнцем философ пригоден к управлению жителями пещеры, если только его каким-то образом заманят обратно во мрак, в котором живут пленники.

Платон утверждает: чтобы постичь сущность справедливости и благой, праведной жизни, необходимо подняться над предрассудками и рутиной повседневности. Думаю, он прав, но прав лишь отчасти. С утверждениями о пещере надо считаться. Если нравственные рассуждения диалектичны, если в этих размышлениях мы ходим от од-

них суждений, сделанных в конкретных ситуациях, к другим таким же суждениям и к принципам, которые определяют эти суждения, необходимы мнения и убеждения, пусть неполные и наивные, такие как земля и зерно. Философия, не тронутая тенью на стене, может принести лишь бесплодную утопию.

Когда моральные размышления превращаются в политические, когда возникает вопрос о том, какие законы должны регулировать нашу коллективную жизнь, необходимо определенное вовлечение в царящее в городе возбуждение, в доводы и случаи, которые будоражат общественное сознание. Споры о финансовой помощи и раздувании цен, о неравенстве доходов и предоставлении льгот представителям исторически угнетенных меньшинств, о воинской службе и однополых браках составляют материал политической философии. Эти вопросы побуждают нас четко формулировать и оправдывать наши моральные и политические убеждения — и не только в наших собственных семьях, не только для друзей, но и для требовательной части наших сограждан.

Еще более взыскательна компания политических философов, древних и современных, которые продумали, иногда весьма радикальным и поразительным образом, идеи, которые одухотворяют общественную жизнь, идеи справедливости и прав, обязательств и согласия, чести и добродетели, морали и права. На страницах этой книги появляются Аристотель, Иммануил Кант, Джон Милль и Джон Роулз, но появляются не в хронологическом порядке. Эта книга — не история идей, а путешествие в область моральной и политической рефлексии. Моя цель заключается не в том, чтобы показать, кто на кого влиял в истории политической мысли, а в том, чтобы пригласить читателей подвергнуть критическому анализу их собственные мнения о справедливости и выяснить, что они думают и почему они так думают.